

Глава 1

ДЕТСТВО

О своих предках по отцовской линии я знаю совсем немного. Знаю, что мой дедушка Егор Петрович Карцев в Первую мировую войну был офицером-артиллеристом. После революции работал счетоводом в Завидовском военно-охотничьем хозяйстве. Умер от ран во время Великой Отечественной войны.

Дедушка по маминой линии, Иван Васильевич Чураков, был первым председателем колхоза в селе Теплое Липецкой области. Выводил новые сорта яблонь, был участником двух Всесоюзных сельскохозяйственных выставок в Москве (1939 и 1940 годы).

В 1941 году добровольцем ушел на фронт. Вместе с ним ушли все его братья (родные и двоюродные) — более тридцати человек. Домой из них вернулся только один его брат. А гвардии красноармеец, стрелок 4-го гвардейского мотострелкового полка 2-й гвардейской мотострелковой дивизии Иван Васильевич Чураков погиб в наступлении 4 августа 1942 года в районе деревни Коршуново Ржевского района. И из-за ошибки полкового писаря 65 лет числился пропавшим без вести...

В детстве я завидовал своим друзьям, у которых были дедушки. Ведь они могли сходить с ними в лес или на рыбалку. Просто о чем-то посоветоваться, что-то от них узнать. У меня всего этого не было. И в то время я даже ненавидел своих дедушек за то, что они не вернулись с войны. Возможно, потому я и решил тогда стать военным: чтобы поехать на войну и вернуться с нее живым.

Чтобы доказать им... Чтобы они поняли... Как мне их не хватает. И как сильно я их люблю.

Мои родители, познавшие все тяготы безотцовщины, были категорически против моей мечты. Почему-то они были уверены, что если я стану военным, то тоже погибну. Но при этом отец все равно рассказывал мне о том, как сам служил старшиной артиллерийской батареи, о новых образцах вооружения и о солдатской смекалке. И как после таких рассказов было не захотеть служить в армии?

А еще он любил повторять: природа дарит нам лишь фундамент, а что мы построим на нем, зависит от нас самих. И потому с раннего детства приучал меня делать упражнения для улучшения зрения (в итоге за несколько лет тренировок я добился очень хороших результатов), играл со мной в «запоминайку» (развивал наблюдательность и умение воспроизвести увиденное в ограниченное время). Но самое главное, приобщал меня к труду и учил никогда не сдаваться на пути к своей цели.

Мой отец работал слесарем на комбинате «Химволокно», был мастером высшей квалификации. Увлекался восстановлением старинных музыкальных часов и изготовлением мебели. Окружающие говорили, что у него золотые руки. И каждое лето мы вместе с ним делали скворечники, что-то строили и перестраивали на даче, на тех самых шести сотках, которые были тогда у многих.

К тому же отец очень хорошо играл в шахматы. Поэтому обучил этой игре и меня. Научил просчитывать ходы противника и направлять его усилия в нужном мне русле.

Но самой большой его страстью было чтение — с каждой полочки он старался купить новую книгу.

И очень огорчился, что в детстве я не слишком любил читать. По его словам, в книгах, а особенно в сказках, скрыта мудрость наших предков. Поэтому читать нужно больше, но не все, а только полезное.

Моя мама работала перемотчицей, была ударником социалистического труда. Работать ей приходилось на нескольких станках одновременно, все движения у нее были отработаны до совершенства. И когда она заставляла меня наводить порядок в моем секретере, объясняла, что предметы, которые лежат на расстоянии вытянутой руки, а не под грудой мусора, дарят мне время для других, более важных и интересных дел, чем их поиски. Я не сразу тогда понял важность маминых слов, но со временем теория коротких траекторий не раз меня здорово выручала.

Да, мои родители были против того, чтобы я стал военным, но особо не переживали на этот счет. В отличие от меня, они прекрасно понимали, что мечтать не вредно и что мечта эта несбыточна. Ведь с моим врожденным пороком сердца шансов поступить в военное училище у меня не было.

Наверное, я был тогда слишком маленьким, чтобы понимать это. Чтобы задумываться о том, что у меня не получается быстро бегать, играть в футбол и хоккей, быть таким, как все.

Но каждое лето родители отправляли меня в деревню, в Завидовский заповедник, где жили родственники моего отца. И я целыми днями пропадал в лесу, пас коров, ворошил сено, вместе со своим дядей высаживал саженцы сосен — в память о его погибших товарищах. Дядя Валя был фронтовиком. Прошел всю войну. Был командиром разведотделения в кавалерийском корпусе Доватора, после тяжелого ранения — механиком-водителем Т-34. А после войны стал лесником.

Дядя Валя говорил, что если деревья только вырубать, то уже через несколько лет мы будем жить совсем на другой планете. На планете мертвых. И мне почему-то казалось, что он знает в лесу каждое дерево. С ним было интересно. Он учил меня ориентироваться на незнакомой местности, находить подножный корм и выживать.

По возвращении домой вместо игр с мальчишками на улице я корпел над школьными учебниками. Поначалу с учебой у меня не все шло гладко. Ведь мои родители были из деревни. Но, приехав в город, одновременно с работой они учились в вечерней школе, получили фабрично-заводское образование. Моя старшая сестра с полутора лет постоянно болела, подолгу лечилась в больницах и санаториях, дома появлялась редко. И помочь мне с учебой они особо не могли.

Но благодаря тому что играть с мальчишками в подвижные игры я не мог, на улицу меня почти не тянуло. Так что большую часть времени я проводил дома за учебниками. И с физкультурой проблемы у меня были довольно долго. Но освобождение от уроков физкультуры родители мне не делали. Отец говорил, что я должен быть таким, как все. Плавать и бегать в младших классах я так и не научился. Да и в подвижных играх быстро уставал. И почему-то постоянно боялся потерять сознание. Но раз у меня не получалось бегать, я старался больше ходить. И быстро догадался, что ходить нужно не просто так, а туда, где интересно. После окончания четвертого класса начал посещать в Доме пионеров шахматную секцию и занятия по классу гитары, а позднее — кружок юных корреспондентов газеты «Серп и молот».

Это правильно: не можешь бегать — ходи. Не можешь ходить — ползай. Не можешь ползать — учись.

Делай то, что можешь, для того, чтобы со временем сделать то, что сейчас не можешь.

В первом классе меня назначили командиром звездочки. В четвертом — командиром пионерского отряда нашего класса. В пятом классе, когда родители получили новую квартиру, меня перевели в новую школу. Первые пару месяцев один из моих новых одноклассников почти каждый день после окончания уроков отводил меня за угол школы и колотил. Почему-то для него было очень важно, чтобы я попросил у него пощады.

Мне это было непонятно. Ну и что, что он сильнее меня. Это же не повод сдаваться на его милость. Вот я и махал своими кулачонками в ответ.

Через два месяца ему это надоело, и он объявил всему классу, что я — его друг. И кто попробует меня обидеть, будет иметь дело с ним. Странно, но кроме него никто обижать меня не собирался. В результате я довольно долго не считал его своим другом. Оказывается, для того чтобы стать врагами, иногда достаточно лишь нескольких секунд. Чтобы стать хорошими товарищами, нам понадобилось около пяти лет. И еще несколько лет для того, чтобы стать настоящими друзьями.

Вскоре меня избрали председателем совета дружины школы. В те времена от председателей пионерских организаций требовалось не столько умение командовать, как умение организовывать. Командовать я не любил никогда, а вот организовать своих товарищей на какую-нибудь авантюру у меня всегда получалось неплохо. Нет, разумеется, мы собирали макулатуру и металлолом, выпускали школьные газеты, проводили конкурсы художественной самодеятельности и торжественные мероприятия. Но мои одноклассники почему-то чаще вспоминали, как мы все вместе устанавливали теннисный стол во дворе нашего дома и играли в городки.

Как вместе с нашей классной руководительницей Галиной Ивановной Милокостовой организовали турпоход в окрестности нашего города. И как на свой первый гонорар юного корреспондента местной газеты я купил для всего класса мороженое и билеты в кинотеатр на просмотр нового фильма о войне. Разумеется, за то, что мы сбежали с уроков, мне потом попало, но это было неважно.

А в шестом классе я организовал наблюдение за квартирой, в которой жила мама космонавта Юрия Петровича Артюхина (благо что это было в соседнем доме), чтобы задать ему один вопрос. Юрий Петрович в то время жил в Звездном городке, но часто приезжал в Клин проведать свою маму. Разумеется, этот вопрос можно было задать ему и на встречах, которые он проводил со школьниками. Но и у других детей было к нему много вопросов, а времени для ответов на них на встречах отводилось мало.

Для организации наблюдательных пунктов нам пришлось уговорить отца одного из наших одноклассников принести с аэродрома несколько списанных военных телефонов ТАИ-43 и катушку провода — этот провод мы протянули по всему дому со стороны лоджий. И в очередной приезд Юрия Петровича дружной гурьбой завалились к нему в гости. Ребята — чтобы посмотреть на небольшой импровизированный музей космонавтики, который был в квартире его мамы, а я — чтобы получить ответ на свой вопрос: как космонавты делают зарядку в космическом корабле? Юрий Петрович ответил, что зарядку можно и нужно делать не только в ограниченных пространствах, таких как космический корабль, но даже лежа на кровати, когда ты не можешь двигаться, — ведь ты можешь пытаться поднять руки или ноги или хотя бы давить головой на подушку. А еще он рассказал

о пользе статической гимнастики. Я не зря задавал этот вопрос. Позднее ответы на него мне очень пригодятся.

В общем, это очень просто: если ты хочешь узнать что-то новое и интересное, ты должен уметь не только задавать вопросы, но и получать на них ответы. И вскоре мне придется искать ответы на мои вопросы в читальном зале городской библиотеки, задавать их учителям и знакомым.

Учиться в новой школе было интересно. Многие наши учителя были фронтовиками, пришедшими в школу сразу после окончания войны. Наши учительницы были их женами. А мы были их последним выпуском. После нас многие из них ушли на пенсию. Получилось, что мы были их «лебединой песней». А потому они старались передать нам не только свои знания, свой жизненный опыт, но и свою любовь.

Учитель физики Георгий Иванович Топоров на войне был разведчиком. После войны у него осталось несколько орденов и медалей. И пуля в позвоночнике. Многие из нас тогда даже и не подозревали об этом.

По его словам, формулы, которые мы учим на уроках, понадобятся нам не только на экзаменах, но и в жизни. И подтверждал свои слова простыми примерами. Много лет спустя формула соотношения пути, скорости и времени послужит основой моей программы обучения разведчиков скоростной стрельбе.

Учитель начальной военной подготовки Евгений Михайлович Гаврилов после уроков проводил с нами дополнительные занятия по изучению оружия и приборов химической разведки, стрелковые тренировки (мы стреляли в классе НВП из пневматических винтовок) и рассказывал нам о том, что война — это тоже школа. Но чтобы выжить и победить, в этой школе нужно учиться очень быстро.

А учитель труда Алексей Петрович не раз повторял нам, что война — это не только подвиги, но в первую очередь тяжелый солдатский труд. И для того чтобы победить, нужно не только знать, но и уметь больше, чем умеет противник. Поэтому когда Алексей Петрович готовил меня к городской олимпиаде по техническому труду (на которой мне предстояло ответить на теоретические вопросы по металловедению, а также изготовить на токарном и сверлильном станках из шестигранного прутка болт и гайку), он пригласил своего друга, одного из лучших токарей нашего города, чтобы тот поделился со мной своими знаниями и умениями. И своего сына, студента Московского института стали и сплавов, чтобы он подготовил меня по металловедению. Не могу сказать, что победить на этой олимпиаде было легко, но далеко не у всех участников олимпиады были такие учителя и наставники, как у меня. И мало кто из шестиклассников тогда так хорошо разбирался в диаграмме «железо — углерод», как я.

После того как я окончил седьмой класс, отец моего друга Андрея Пименова устроил нас на лето помощниками слесаря в своем совхозе. Владимир Иванович был директором совхоза «Щекинский» и пошел на серьезное нарушение законодательства, ведь нам с Андреем еще не хватало трех месяцев до пятнадцати лет. Но Владимир Иванович считал, что любому мальчишке нашего возраста будет нелишним узнать, на каких деревьях растет хлеб и что нужно сделать, если что-нибудь сломается. И хотя у нас была всего лишь четырехчасовая рабочая смена, гаек мы тогда с Андреем позакручивали и пооткручивали много. Узнали, что такое труд слесарей и механизаторов. И вы не представляете, какие сияющие глаза были у моей мамы, когда я принес домой свою первую зарплату.

Деньги, заработанные в совхозе, были очень кстати. За хорошую учебу и активную общественную работу тем летом меня отправили в Международный молодежный лагерь в Чехословакию. А моего одноклассника Юру Соколова (его отец служил техником на нашем военном аэродроме, а мама работала медсестрой) за отличную учебу — во Францию.

На эти деньги я привез из Чехословакии подарки родителям и сестре, а себе купил настоящие футбольные бутсы с резиновыми шипами. Шипы я вскоре срезал, и бутсы превратились в легкие, а самое главное, очень прочные кеды. С кедами у меня была тогда беда. В седьмом классе я пытался заняться бегом, но кеды быстро пришли в негодность. А просить родителей купить новые мне было стыдно. Я знал, что в семье лишних денег нет, поэтому планировал заработать на их покупку сам. Но о том, что смогу купить себе такие замечательные бутсы, даже не мог и мечтать. Это было похоже на настоящее чудо! Похоже, что чудеса в нашей жизни случаются. Но случаются они чаще с теми, кто делает им шаги навстречу.